

DOI: 10.31857/S0869049923010070
EDN: NTZPSU

Трибуна молодого ученого ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

Оригинальная статья / Original article

Влияние политической власти на модели отраслевой организации: институциональный подход

© С.И. ФЕДОРОВ

Федоров Сергей Игоревич, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия), fedoroffsi@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-2155-9837

Выбор механизмов отраслевой организации всегда происходит в контексте подходов к экономическому регулированию, которые задают политические элиты. Во времена масштабных политических потрясений, как, например, в 2022 г., экономисты ощущают данную специфику все сильнее, однако до сих пор не сформирован операциональный инструментарий, который позволил бы учитывать ее при анализе механизмов отраслевого регулирования. Статья посвящена поиску такого инструментария с позиций новой институциональной экономической теории (НИЭТ): совмещены концепции «социальных порядков» Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста и «механизмов управления транзакциями» О. Уильямсона. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что исключение фактора оппортунизма политиков из анализа отраслевой организации приводит к тому, что вне фокуса внимания остаются интересы политиков, которые способны искажающее воздействовать на выбор механизмов управления транзакциями.

Ключевые слова: отраслевые рынки, институциональная среда, механизмы управления транзакциями, социальные порядки, политическая власть

Цитирование: Федоров С.И. (2023) Влияние политической власти на модели отраслевой организации: институциональный подход // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 101–120. DOI: 10.31857/S0869049923010070, EDN: NTZPSU.

The Influence of Political Power on Models of Industrial Organization: Institutional Approach

© S. FEDOROV

Sergei I. Fedorov, Moscow State University (Moscow, Russia), fedoroffsi@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-2155-9837

Abstract. The choice of industrial organization mechanisms always takes place in the context of approaches to economic regulation set by the political elite. In times of large-scale political upheavals which are taking place in 2022, economists are more and more concerned with this context, but operational tools that would allow it to take into account when analyzing the mechanisms of governance have not yet been found. This article is developing such tools from the perspective of the New Institutional Economics: combination of the “social orders” concept developed by D. North, J. Wallis, B. Weingast and the “mechanisms of governance” by O. Williamson. It is concluded that taking into account only the transaction costs minimizing principle while choosing the mechanism of governance excludes an important factor: the opportunism of politicians, which are often directly involved in the establishment of governance mechanisms.

Keywords: industrial organization, institutional environment, mechanisms of governance, social orders, political power

Citation: Fedorov S. (2023) The Influence of Political Power on Models of Industrial Organization: Institutional Approach. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 101–120. DOI: 10.31857/S0869049923010070, EDN: NTZPSU.

Введение

Классическая (вертикальная) промышленная политика, основанная на наделении отраслей и предприятий ресурсами, в последние десятилетия в некоторых сферах уступает место «горизонтальной» политике, которая сфокусирована на защите и развитии экономической конкуренции [Rodrik 2004; Кузнецов, Симачев 2014]. Однако этот тренд не универсален: например, некоторые государства предпочитают нерыночные, антиконкурентные инструменты промышленной политики¹. Данная особенность наиболее ярко проявляется в кризисные периоды – такие, как 2022 г. В сложившейся ситуации многие страны пытаются с помощью дискреционных мер преодолеть возникшие отраслевые шоки, вмешиваясь в рыночные процессы. При этом одни и те же отрасли, которые имеют схожие особенности технологического и экономического характера, разные государства регулируют по-разному. Соответственно, следует рассматривать проблему выбора инструментов промышленной политики в более широком контексте: как на проблему выбора механизмов отраслевой организации под влиянием политической власти. Предпринята попытка установить причины и условия, при которых политики ограничивают экономическую конкуренцию «сверх необходимого» или проводят дерегуляцию там, где обычно считается необходимым преодолевать «провалы рынка».

Проблему защиты и развития экономической конкуренции в научных работах часто рассматривают изолированно от контекста политических целей элитной группы и особен-

---

¹ Данный вывод не значит, что есть страны, в которых используется «горизонтальная» промышленная политика, и есть страны с «вертикальной» промышленной политикой. Речь идет лишь о тенденции, согласно которой некоторые государства склонны к «вертикальным» инструментам там, где другие уже внедрили бы «горизонтальные».

ностей институциональной среды. Сама тема влияния интересов политиков на организацию отраслей поднята давно: например, в [Tullock 1967] показано, что отраслевая политика может приводить к потерям общественного благосостояния в связи с укреплением рыночной власти – как в статике, так и в динамике. К. Мерфи и его соавторы в своей статье [Murphy et al. 1993] пришли к выводу, что рентоориентированное (rent-seeking) поведение в общем (и со стороны политиков в частности) вытесняет производительную деятельность в экономике. Однако в большинстве работ внимание исследователей смещено на последствия регуляторного вмешательства для общественного благосостояния. Данная статья сфокусирована на том, как действия политиков влияют на механизмы взаимоотношений между участниками отрасли. Механизмы взаимоотношений, в свою очередь, подразделяются на: свободное заключение контрактов на рынке, иерархические структуры или гибридные формы взаимодействия, сочетающие рынки и иерархии. Данный аспект представляет собой элемент новизны в этой работе².

Следует остановиться на понятии «экономическая конкуренция», чтобы определить, в какой процесс вмешивается политик. Она определена как соперничество экономических агентов за ограниченные ресурсы, которое рассматривается в двух аспектах:

- как ситуация на рынке, при которой ни один из игроков не обладает возможностью значительно влиять на общие условия обращения товаров на рынке³ (неоклассическая статическая трактовка);
- как «процесс выявления неиспользованных возможностей применения известных и обнаружения новых ресурсов» [Hayek 1968]⁴ (динамическая трактовка).

Оба аспекта экономической конкуренции (статический и динамический) предполагают «автономность контроля игроков над правами собственности» [Menard 2022]. Автономность означает независимое распоряжение правами собственности на активы, используемые в хозяйственной деятельности. Понятие введено в данное исследование по той причине, что теория трансакционных издержек рассматривает процесс передачи прав собственности (транзакции), а не сами права собственности. Может показаться, что контроль над правами собственности входит в «пучок прав», а потому не следует выделять эту категорию отдельно. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что контроль над правомочиями и сами правомочия – не одно и то же. Например, когда предприятия образуют консорциум, в рамках конкретного проекта они временно передают контроль над частью своих правомочий общему руководителю проекта, но сами правомочия руководитель консорциума не получает – они не отчуждаются от участников. Необходимо учитывать это тонкое различие, чтобы не смешивать теорию трансакционных издержек (в этой статье представленную концепцией О. Уильямсона) и теорию прав собственности. Здесь и далее речь идет именно о контроле над правами как об отдельной категории. В противном случае каждый эпизод вмешательства в этот контроль со стороны государ-

² Некоторые аспекты рассматриваемой проблемы уже исследовали (в т. ч. и российские авторы) в рамках экономического анализа конкурентного права и эффектов его применения. Часть подобных работ упомянуты в настоящей статье. Тем не менее, в них авторы фокусируются на проблемах антимонопольного правоприменения, тогда как тема влияния институциональной среды на экономическую конкуренцию выглядит несколько шире.

³ Определение зафиксировано в законодательстве; например, ст. 4 Федерального закона № 135 от 26.07.2006 «О защите конкуренции».

⁴ Авторство данного определения принадлежит Ф. фон Хайеку. В австрийской школе наиболее последовательно развита трактовка экономической конкуренции как процесса, а не состояния. Динамическую трактовку экономической конкуренции, например, также рассматривали Й. Шумпетер [Schumpeter 2008] и Ф. Найт [Knight 1921], но они в качестве «эталонов» для сравнения все равно используют статические состояния, из-за чего их концепции критиковала австрийская школа [Kirzner 1978].

ства (а значит – любую регуляторную инициативу) пришлось бы трактовать как нарушение прав собственности⁵.

Вместе с тем вмешательство в автономность контроля, как и нарушение самих прав собственности, постоянно сопровождают деятельность экономических агентов, помещенных в контекст институциональной среды. Именно на уровне институциональной среды фиксируются основополагающие правила защиты прав собственности и установления контроля над ними [Davis, North 1971].

Вопрос о том, как политические цели влияют на выбор механизмов отраслевой координации, становится актуальнее в контексте масштабных политических потрясений 2022 г. В то же время речь не идет об оценке «уровня экономической конкуренции», который определяют под воздействием институциональной среды для страны в целом. Подразумевается установление правил игры для каждого конкретного рынка или отрасли под воздействием как специфических для них факторов, так и под воздействием фактора институциональной среды. На фоне политических конфликтов и сопровождающих их санкционных ограничений подходы к отраслевому регулированию кардинально меняются во многих странах. В то же время существующие модели [Williamson 1991; Menard 2004; Menard 2022] объясняют выбор механизма управления транзакциями только с точки зрения минимизации транзакционных издержек экономическими агентами. Так, О. Уильямсон [Williamson 1985; 1991], модель которого применена и дополнена в данной работе, предлагает выбор из дискретных альтернатив: рынка, иерархии и гибрида. Выбор зависит от трех факторов – специфичности⁶ активов, частоты сделок и уровня неопределенности, который их сопровождает. При высокой специфичности, снижении частоты транзакций и росте неопределенности выбор смещается от рынка в сторону иерархии (и наоборот), поскольку она позволяет снизить издержки взаимодействия фирм.

В реальности многие механизмы координации устанавливают третьи лица, которые обладают потенциалом насилия⁷ (назовем их «политиками») и руководствуются собственными интересами, отличающимися от интересов отрасли и собственников предприятий. Например, Д. Норт с соавторами [North et al. 2009] предлагает модель, в рамках которой все государства разделены на порядки открытого и ограниченного доступа. Предельно упрощая концепцию, можно сказать, что в порядках открытого доступа верховенство права и недискриминационность доступа к экономической деятельности снижают возможности того, что политики будут принимать неэффективные (в общественном смысле) регуляторные решения для максимизации личной выгоды. В порядках ограниченного доступа, наоборот, создаются экстрактивные институты, которые фиксируют возможность для политиков извлекать ренту. Включение данного обстоятельства в упомянутую выше модель О. Уильямсона позволит ответить на вопрос о том, почему в относительно короткий период и в условиях отсутствия технологических изменений подходы к отраслевой координации могут радикально изменяться под воздействием политических факторов.

Так, в России в 2022 г. за относительно короткий срок были серьезно скорректированы подходы к регулированию самых разных отраслей экономики. Распространились следующие практики: заключение соглашений с продовольственными сетями о продаже социально значимых товаров без наценки, выкуп государством лизинговых самолетов авиакомпаний и т. д. Усилился контроль антимонопольной службы за продовольственными

⁵ Например, представители австрийской школы последовательно отстаивают именно такую позицию.

⁶ Специфические активы – это активы с низкой стоимостью при альтернативном использовании. Например, доменная печь, которую невозможно использовать где-либо, кроме как на металлургическом предприятии.

⁷ Данное понятие будет охарактеризовано в разделе о социальных порядках.

ценами в регионах, а в электроэнергетике вновь объединили магистральные и распределительные сети⁸, которые ранее стали независимыми в ходе реформы РАО «ЕЭС России». Также был подготовлен законопроект о внесении изменений в ФЗ № 38 от 13.03.2006 «О рекламе», согласно которому предлагалось создать монопольного оператора цифровых рекламных конструкций и объявлений⁹. В то же время устанавливаются ограничения на сделки с активами иностранных компаний¹⁰. «Регуляторный крен» [Шаститко 2012] в экономической политике, который присутствовал и ранее, сегодня становится все более выраженным. Данное направление подтвердил и министр промышленности и торговли России, вице-премьер Д.В. Мантуров, который в июле 2022 г. заявил, что правительство намерено «совершить поворот» в сторону от рыночных подходов в промышленной политике¹¹. Следовательно, может усиливаться тренд на отказ от рыночных механизмов в пользу иерархии и различного рода гибридных¹² форм координации, в которых государству отведена ведущая роль.

Существующие модели не объясняют логику подобных изменений, происходящих по инициативе государства. Соответственно, цель исследования – создать концепцию формализованной модели выбора механизма отраслевой координации политиком, которая будет учитывать вмешательство его интересов в этот процесс.

Поднимаемая проблема и до последних событий часто становилась предметом исследования в научной литературе, посвященной аспектам экономической конкуренции, а также конкурентной¹³ и промышленной политике. Внимание к данному вопросу со стороны научного сообщества объясняется рядом эмпирических фактов, природу которых современная экономическая теория пока не способна объяснить до конца. Их можно объединить в три блока.

Во-первых, наблюдаются существенные межстрановые различия в подходах к отраслевому регулированию. В одних странах правительства ориентируются на классическую промышленную политику, в рамках которой отрасли и предприятия наделяет ресурсами государство. В других больше¹⁴ полагаются на способность предприятий получать ресурсы на рынке самостоятельно (проконкурентные механизмы, «горизонтальная промышленная политика») [Rodrik 2004]. Более того, сущность одних и тех же инструментов промышленной политики может серьезно меняться в разных странах: например, так происходит с кластерной политикой, которая в некоторых случаях из проконкурентного инструмента превращается в механизм классической вертикальной промышленной политики [Федоров 2021].

⁸ Почему ФСК и Россети только сейчас сливаются в единую компанию. Ведомости. 17 июля 2022. (<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/07/17/931727-pochemu-fsk-rosseti>).

⁹ «Закон полностью уничтожает отрасль»: Дума рассмотрела идею о едином операторе наружной цифровой рекламы. Газета.Ру. 18 июля 2022. (<https://www.gazeta.ru/business/2022/07/18/15137330.shtml>).

¹⁰ Путин ограничил недружественным иностранцам продажу российских активов. РБК. 05 авг 2022. (<https://www.rbc.ru/politics/05/08/2022/62ed00579a7947368f338edf>).

¹¹ Мантуров призвал отойти от рыночной промышленной политики. Ведомости. 15 июля 2022. (<https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/07/15/931572-manturov-prizval-rinchnoi-promishlennoi-politiki>).

¹² Имеется в виду гибрид между рыночными и иерархическими формами (промышленные кластеры, промышленные группы, консорциумы, проекты государственно-частного партнерства и проч.)

¹³ Конкурентная политика – это совокупность мер государственного регулирования, которые направлены на создание новых рынков и защиту конкурентных условий на существующих с целью обеспечить экономическое развитие [Kurdin, Shastitko 2020].

¹⁴ В сравнении с другими странами, а не в сравнении с классическими инструментами. Классическая промышленная политика в целом остается наиболее распространенным подходом во всех странах. Ее популярность связана как с особенностями институциональной среды и социальных порядков, так и с относительной простотой дизайна таких инструментов.

Также многие правительства привержены проводить рыночные реформы в отдельных отраслях экономики. Так, в работе [Erdgou 2014] эмпирически показано значимое влияние институциональной среды на либерализацию электроэнергетической отрасли.

Во-вторых, в литературе сохраняется интерес к теме «легкости ведения бизнеса» с точки зрения различного рода административных барьеров [Djankov 2002]. Последние прямо влияют на экономическую конкуренцию, поскольку представляют собой один из видов барьеров входа на рынок (и выхода с него).

В-третьих, большую обеспокоенность у экономистов вызывает то, что в отдельных странах меры антимонопольной политики применяют в качестве инструментов экономического регулирования (в связи с особенностями институциональной среды). Так, в российском научном сообществе проблема впервые была сформулирована в статье [Шаститко 2012]. В дальнейшем тема получила развитие в работах [Шаститко, Павлова 2018; Шаститко, Ионкина 2021; Шаститко, Павлова 2021; и др.]. Одной из наиболее ярких иллюстраций стала норма об индивидуальном злоупотреблении коллективным доминирующим положением на рынке, которая фактически позволяет регулировать цены на нем через инструменты конкурентной политики. В попытках осмыслить причины «регуляторного крена» в российском антитрастовом законодательстве исследователи приходят к выводу, что антимонопольный орган может отклоняться от официально обозначенных целей в своей деятельности по разным причинам. Например, он может ориентироваться на популярность принимаемых решений у населения [Katcoulacos et al 2016] и даже на поддержку отдельных участников рынка [Avdasheva, Shastitko 2011]. Целевые индикаторы, которые ставят перед антимонопольным органом, также могут исказить его стимулы и приводить к негативным последствиям [Avdasheva, Golovanova 2016] в виде ограничения конкуренции и снижения уровня общественного благосостояния. Важно отметить, что во всех перечисленных случаях снижение эффективности антимонопольного правоприменения связывают с особенностями характеристик институциональной среды. Более широкая постановка проблемы представлена в работе [Шаститко, Павлова 2022]. Авторы провели сравнительный анализ трех видов политики – либерального фундаментализма, пигувианства и коузианства – по отношению к рыночным изъятиям. Они пришли к выводу, что выбор того или иного подхода зависит от спроса на экономические знания на политическом рынке.

В своей работе О. Уильямсон [Williamson 1991, 287] предполагал, что уровень защищенности прав собственности и риски их принудительного отчуждения могут повышать неопределенность. Последняя, в свою очередь, выступает фактором при выборе оптимального механизма управления трансакциями – рыночного, гибридного или иерархического. Развивая его идею, данное исследование попытается объяснить механизм влияния политической власти (в контексте институциональной среды) на экономическую конкуренцию, подразумевая, что последняя возникает в случае, когда механизм управления имеет сравнительно большую автономность контроля над правами собственности¹⁵. Автономность контроля над правами собственности приводит к большей избирательности при трансакциях: когда владелец актива не должен координировать свои решения с другими экономическими агентами, у него расширяется и выбор альтернативных способов использования своих активов.

¹⁵ В эту категорию могут попадать как рыночный механизм, так и гибридное институциональное соглашение по О. Уильямсону. Однако гибридное соглашение по определению предполагает сочетание рынка и иерархии. Соответственно, его можно рассматривать в качестве синонима экономической конкуренции лишь в той мере, в которой оно предполагает автономность контроля над правами собственности.

Институциональный подход к экономической конкуренции в контексте общественного устройства

Впервые проблему влияния общественного устройства на развитие экономической конкуренции в работах НИЭТ затронул М. Олсон¹⁶ в исследовании «Логика коллективных действий» [Olson 1965]. Он рассматривал экономическую конкуренцию с позиции интересов участников открытых (инклюзивных) и закрытых (эксклюзивных) групп. В рамках данной концепции эксклюзивность группы связана с ограниченностью распределяемых внутри группы рент (примером служило картельное соглашение), а инклюзивность, напротив, – с неконкурентностью в потреблении¹⁷.

Как уже говорилось ранее, идеи о взаимосвязи между экономической конкуренцией и институциональной средой прозвучали в работе О. Уильямсона [Williamson 1985], в которой показано, что институциональная среда влияет на выбор механизма управления транзакциями через параметр неопределенности в процессе договорных отношений.

Вновь проблему обозначили Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгафт [North et al 2009]¹⁸ в работе «Насилие и социальные порядки», в которой синтезированы идеи теории общественного выбора, концепции рентаориентированного поведения [Buchnan, Tullock 1962; Tullock 1967] и предшествующих работ Д. Норта об эволюции институциональной системы. Преимуществом их модели стало то, что она разграничивает способы монополизации насилия в обществе в соответствии с «пороговыми условиями» открытых социальных порядков. Рассмотрение политического устройства государства с таких позиций позволяет абстрагироваться от конкретных механизмов общественного выбора и учитывать институциональную среду, которая формируется в результате такого выбора. Подробнее сущность концепции применительно к проблеме экономической конкуренции будет рассмотрена в соответствующем разделе. Здесь же следует отметить, что, по мнению Д. Норта и др., более «открытый» социальный порядок, в котором силовые структуры консолидированы, соблюдается принцип верховенства права для элит и функционируют постоянно действующие организации, способствует развитию экономической конкуренции.

Схожие идеи Д. Асемоглу и Дж. Робинсон представили в работе 2012 г. «Why Nations Fail» [Аджемоглу, Робинсон 2016]. Здесь авторы рассматривают институциональную среду, противопоставляя «экстрактивные» и «инклюзивные» институты, что перекликается с ранее упомянутыми идеями: «инклюзивные» и «эксклюзивные» группы у М. Олсона, «открытые» и «ограниченные» порядки у Д. Норта и т. д. В то же время авторы соглашаются с тезисом о том, что не существует прямой связи между политическим режимом или механизмом общественного выбора с одной стороны, и институциональной средой – с другой. «Экстрактивные» институты, такие как «институциональные пустоты», неформальные договоренности и др., могут сделать институциональную среду неблагоприятной для конкуренции при любом политическом режиме и любом механизме общественного выбора.

Таким образом, идея О. Уильямсона о взаимосвязи институциональной среды и механизмов управления транзакциями пока не раскрыта на уровне операциональной модели.

¹⁶ Упоминание М. Олсона в этом контексте неслучайно, поскольку он был соавтором модели «соседнего бандита», которая во многом перекликается с концепцией «социальных порядков» – одной из ключевых моделей в НИЭТ, описывающих различия в институциональных средах.

¹⁷ Саму экономическую конкуренцию можно рассматривать как благо, которое неконкурентно в потреблении.

¹⁸ В работах [van Besouw, 2016; van Bavel et al., 2017] концепция Д. Норта и др. переведена в вид формальной математической модели.

Накоплен большой пласт литературы, посвященной проверке взаимосвязи между характеристиками институциональной среды и экономической конкуренции на эмпирических данных. Следует обратить внимание, что в перечисленных далее исследованиях передаточным механизмом влияния конституционных общественных норм на экономическую конкуренцию выступает государственное регулирование, подходы к которому вырабатываются в результате политического соперничества. Так, исторический анализ влияния групп интересов на проконкурентные правила игры в Германии XIX в. представлен в статье [Wegner 2015]. Приверженность рыночному механизму управления транзакциями авторы исследования [Weymouth 2016] объясняют соотношением политических сил проконкурентной коалиции «аутсайдеров» и антиконкурентной группы «инсайдеров», которые хотят сохранять контроль над экономическими рентами. Данная гипотеза была успешно протестирована на панельных данных по 155 странам мира. В 21 стране ОЭСР эмпирически подтвердилось влияние идеологических¹⁹ предпочтений в обществе на проконкурентность экономической политики правительства [Potafke 2010].

В работе [Foer 2018] исследованы культурные истоки предпочтений субъектов экономической политики, которые устанавливают проконкурентные или антиконкурентные правила игры. Авторы эмпирического исследования [Lee, Vanino 2018] делают вывод о том, что цены в секторе неторгуемых²⁰ товаров растут при наличии экстрактивных институтов в обществе. Серьезный разрыв между конкурентными ценами и реально установленными ценами в колониальных режимах показан в статье [Tadei 2018]. В работе [Gultom 2021] продемонстрировано, что эффективность функционирования компаний, работающих с государством в одной и той же стране, растет при переходе от ограниченного доступа к открытому. Автор использует метод difference-in-difference, чтобы сравнить параметры эффективности компаний до и после масштабного реформирования сектора государственно-частного партнерства на фоне политических изменений в стране. В исследовании [Asimwe 2013] на примере кофейной индустрии в Уганде показано, как отсутствие верховенства права позволило правящей элитной группе извлекать ренту, установив государственную монополию на торговлю кофе. В работе [Wolff 2020] также выявлена приверженность стран со слабыми институтами защиты прав собственности к классическим мерам промышленной политики и протекционизму. Автор анализирует запрет импорта «секонд-хенда» в ряде африканских стран с целью защиты национальных производителей и делает вывод, что длительное время придерживаться такой политики могут только государства, в которых политики не учитывают интересы потребителей и локальных ритейлеров.

Возвращаясь к отечественной литературе, следует обратить внимание на исследование [Яковлев 2012; Yakovlev et al 2014]. В нем проанализированы попытки экономических агентов повлиять на институциональную среду через совместные политические действия.

Тем не менее, увеличение количества как теоретических, так и эмпирических исследований пока не привело к формированию единых рамок учета влияния политической власти на развитие и защиту экономической конкуренции. В попытке заполнить данный «пробел» будет представлен анализ взаимосвязи концепций О. Уильямсона и Д. Норта с соавторами (которые относятся к двум разным направлениям исследований в рамках НИЭТ) с целью идентифицировать каналы влияния институциональной среды на экономическую конкуренцию.

---

¹⁹ Имеется в виду идеология как выражение групповых политических интересов.

²⁰ Товары, которые не экспортируют за рубеж.

Права собственности при различных механизмах управления транзакциями

Насилие, которое в рамках НИЭТ понимают как физическое ограничение спектра доступных индивиду стратегий поведения, по сути представляет собой способность ограничивать автономный контроль над «пучком прав» собственности на актив. В ситуации, когда оно применяется вне принципа верховенства права (специфицируемые права собственности не подкреплены достоверными обязательствами со стороны государства), любые действия с правами собственности (транзакции) начинают происходить в условиях большей неопределенности.

Неопределенность, в свою очередь, представляет собой один из трех факторов, которые влияют на выбор оптимального механизма управления транзакциями [Williamson 1991], вместе со специфичностью активов и частотой сделок. Оптимальный выбор механизма управления транзакциями в каждом конкретном случае, по О. Уильямсону, – одна из дискретных альтернатив: рынок, гибрид или иерархия (таб. 1).

Таблица 1

Механизмы управления транзакциями: рынок, гибрид и иерархия

Table 1

Transaction Management Mechanisms: Market, Hybrid and Hierarchy

	Рынок	Гибрид	Иерархия
Адаптируемость к изменениям	Высокая	Средняя	Низкая
Административный контроль	Отсутствует	Слабый	Сильный
Тип контракта	Классический	Неоклассический или отношенческий с двусторонней/трехсторонней структурой управления	Отношенческий с односторонней структурой управления
Права собственности	У участников автономный контроль над всеми правами собственности из «пучка»	Контроль над некоторыми правами собственности из «пучка» совместный или осуществляется третьим лицом	Автономный контроль над правами собственности из «пучка» отсутствует
Персонифицированность транзакций	Неперсонифицированные	Персонифицированные	—
Избирательность транзакций	Избирательные	Ограниченно избирательные	Неизбирательные

Источник: составлено автором по [Williamson 1985; 1991].

Source: compiled by the author based on [Williamson 1985; 1991].

Следует обратить внимание на то, что только в условиях рыночного механизма существует автономный контроль над всеми правами собственности из «пучка» и над всеми активами, участвующими в транзакциях [Menard 2022]. В случаях гибридного институционального соглашения и иерархии автономность в той или иной степени ограничена²¹.

²¹ Следует уточнить, что такие ограничения могут иметь разную природу. В том числе они могут быть следствием добровольного решения индивида – например, обменять права на отдачу от инвестиций в специфический актив.

Так, гибридное институциональное соглашение предполагает двустороннюю или трехстороннюю (с участием арбитра) структуру управления. Соответственно, стратегии обращения с активами в данном случае ограничены как минимум действиями контрагента и/или арбитра. Однако важно подчеркнуть, что гибридные механизмы весьма разнообразны [Menard 2004], и представляют собой результат добровольного выбора в случае, когда их устанавливают сами экономические агенты. Другая ситуация возникает, когда гибридный механизм создает государство²² – именно на таких вариациях фокусируется данная статья. В иерархиях же вовсе отсутствует автономный контроль над правами собственности на активы у одного из участников трансакций. В частности, особенности механизмов управления трансакциями различных видов отражаются в неизбирательности трансакций. Только рыночный механизм и, соответственно, классический контракт обеспечивают максимальную свободу выбора параметров договора. На данное обстоятельство обращено внимание в статье [Menard 2022, 305]: различие между рынком, гибридами и иерархией, а также между различными видами гибридов заключается именно в том, насколько экономическим агентам необходимо жертвовать своим автономным контролем над правами собственности.

Еще одной особенностью трансакций в рамках гибридного институционального соглашения можно считать их персонифицированность. Специфичность активов и высокая степень неопределенности зачастую вынуждают контрагентов выстраивать отношенческий контракт, чтобы снижать трансакционные издержки. Такой контракт сокращает риски, но трансформирует природу трансакций.

Защита прав собственности как критерий открытости социального порядка

Как было сказано ранее, избирательность трансакций (и рыночного механизма управления ими) возможна только в условиях достоверности обязательств государства по защите прав собственности. Однако, как указывают авторы концепции «социальных порядков» [North et al. 2009], это условие не всегда выполняется.

Согласно данной концепции, все общества (за исключением первобытных и анархических) можно разделить на порядки «открытого» и «ограниченного» доступа. Различие в социальных порядках возникает в связи с разными подходами к монополизации насилия: в порядках ограниченного доступа (естественных государствах) насилие монополизирует элита²³, которая использует его для извлечения ренты; в порядках открытого доступа насилие применяют в интересах всего сообщества граждан [North et al. 2009]. В порядках ограниченного доступа государство, чтобы извлекать ренту из национальной экономики, создает «экстрактивные институты», в порядках открытого доступа – «инклюзивные институты», которые вовлекают всех граждан в принятие решений о применении насилия, чтобы учесть их интересы [Аджемоглу, Робинсон 2016]. Важно отметить, что трансплантация институтов из порядка открытого доступа в «естественное государство» может закончиться дисфункцией этих институтов [Полтерович 2001; Плискевич 2013].

²² Например, Правительство России довольно часто прибегает к соглашениям с участниками рынков, чтобы ограничить рост цен. Так, в апреле 2022 г. такое соглашение было заключено с металлургами (Металлурги договорились с трейдерами об ограничении наценок РБК. 06 апр 2022. (<https://www.rbc.ru/business/06/04/2022/624bf6389a79474279ebb800>), а ранее – с продуктовыми ритейлерами (Трезво наценивая ситуацию. Коммерсант. 12.01.2022. (<https://www.kommersant.ru/doc/5157727>)).

²³ Здесь и далее речь идет только о политической элите – индивидах, которые по тем или иным причинам имеют преимущества в применении насилия. Преимущества в данном случае – любые средства, позволяющие сохранять и использовать власть.

Д. Норт и др. также предлагают формальные критерии, по которым можно определять, «открытость» социального порядка – т. н. пороговые условия²⁴ (таб. 2).

Таблица 2

Пороговые условия перехода в порядок открытого доступа

Table 2

Threshold conditions for transition to the open access order

№	Пороговые условия ²⁵	Порядок ограниченного доступа	Порядок открытого доступа
1	Верховенство права	Отсутствует или не развито (ввиду наделения элит привилегиями)	Все граждане подчиняются принципу верховенства права (одинаково)
2	Постоянно действующие организации	Возникновение постоянно действующих организаций вне контроля государства маловероятно. Создание организаций предполагает разрешительные процедуры личного характера («патрон-клиент»)	Большое количество разнообразных постоянно действующих организаций, не зависящих от государства и обладающих обезличенной социальной идентичностью. Их создание основано на соблюдении минимальных общих требований, соответствующих уведомительному порядку, а также на защите обязательственных прав (относительных прав собственности)
3	Контроль насилия	Децентрализованный (необязательно), основанный на коалиции группы индивидов внутри элиты	Консолидированный. Опирается на политические механизмы, функционирующие в соответствии с принципами свободного доступа, которые обеспечивают включенность и равенство, распространенное за пределы элит (в идеале – всеобщее)
4	Свобода входа в сферы экономической деятельности	Ограничена разрешительными условиями (но не закрыта), включая личное отношение уполномоченных лиц (прямое или опосредованное)	Не ограничена (личным отношением уполномоченных лиц), хотя вход и не имеет всеобщий характер

Источник: [Шаститко 2012].

Source: [Шаститко 2012].

Анализируя пороговые условия, можно отметить следующие особенности трансакций в двух разных социальных порядках.

- Недостовверные обязательства государства по защите прав собственности в порядках ограниченного доступа. Отсутствуют механизмы (судебная система, политическая конкуренция и т. д.), которые сдерживали бы возможности государства устанавливать

²⁴ В работе [Авдеева и др. 2017] проводится попытка квантификации пороговых условий с целью эмпирического анализа социальных порядков.

²⁵ К «пороговым условиям», согласно [North et al. 2009], относятся только первые три критерия. Однако свобода входа в сферы экономической деятельности считается необходимым следствием из пороговых условий [Шаститко 2012].

излишние ограничения на автономный контроль над правами собственности²⁶. Следовательно, в случае собственной заинтересованности участники элитной группы способны сокращать спектр доступных экономическим агентам стратегий. В результате политики могут устанавливать гибридные и иерархические механизмы управления транзакциями в различных экономических сферах или отраслях в личных интересах.

- Необходимость разрешительных процедур личного характера для создания и функционирования организаций в порядках ограниченного доступа. Данная особенность означает, что приоритет имеют личные отношения, а заключение классического (и даже – неоклассического) контракта возможно далеко не во всех случаях.

- Отсутствие консолидированного контроля над применением насилия в порядках ограниченного доступа. Экономическая конкуренция не предполагает применение насилия к конкурентам [Mises 1996, 274]. Когда консолидированный контроль над насилием отсутствует, игрокам на рынке невозможно гарантировать неприменение насилия против них.

Итак, «пороговые условия» – критерии перехода одного социального порядка к другому – тесно связаны с факторами, которые влияют на выбор оптимального метода управления транзакциями и могут способствовать смещению выбора в сторону того или иного механизма.

Влияние социального порядка на выбор механизма управления транзакциями

Представим, что политика-оппортуниста назначили на должность, где у него есть полномочия устанавливать регуляторные меры для отдельной отрасли экономики или рынка²⁷. Оппортунизм заключается в том, что в своих действиях он руководствуется не минимизацией транзакционных издержек для представителей регулируемой отрасли или рынка, а персональной выгодой. Последняя отчасти состоит из легальных доходов от эффективного регулирования, а отчасти – от нелегальных. Причем подразумевается доход в широком смысле: коррупционная связь с одним из игроков, политическая поддержка от одной из заинтересованных сторон, популярность у избирателей, обеспечение конкурентных условий закупки сырья для находящейся в нелегальном владении фирмы и т. д. Политик обладает исключительной возможностью извлекать ренту из контролируемой отрасли, что исходит из природы формирования элитной группы в порядках ограниченного доступа: разделение источников рент между участниками гарантирует стабильность социального порядка²⁸ [North et al. 2009]. В то же время политик, реализуя свое оппортунистическое намерение, может столкнуться с препятствиями институциональной среды: политической конкуренцией, независимостью судебной системы, независимостью средств массовой информации и т. п.

---

²⁶ Нарушение прав собственности и установление ограничений на автономный контроль над ними – это разные ситуации. В последнем случае речь идет о добровольном отказе экономических агентов от этого автономного контроля в обмен на экономические выгоды. Когда же государство ограничивает автономный контроль в принудительном порядке, различия между двумя категориями стираются.

²⁷ В этом смысле политик выбирает не отрасль (или рынок), а механизм координации для заданной отрасли. Конечно, если речь идет о политике высокого ранга, допущение следовало бы снять, но это не скажется на выводах модели: просто они будут применимы к отрасли, которая в наибольшей степени интересуется политика.

²⁸ В противном случае речь бы шла о войне элит и «несостоявшемся государстве», что не находится в фокусе данного исследования. Здесь ситуация с согласием элит по поводу извлечения рент похожа на ту, что складывается в модели Шлейфера-Вишни [Shleifer, Vishny 1993].

Итак, политик-оппортунист максимизирует собственный доход²⁹ (I). Допустим, что политик принимает решение самостоятельно. Тогда функция дохода политика I выглядит следующим образом:

$$I = \tau(P - c_i) + RS(1 - r) + V(P - c_i), \quad (1)$$

где $P = const$ – гипотетический уровень общественного благосостояния при отсутствии трансакционных издержек; $c_i \geq 0$ – уровень трансакционных издержек; $\tau \in [0; 1]$ – ставка налога, которая позволяет политику извлекать доход из эффективного регулирования; $R \geq 0$ – потенциальный размер нелегальной ренты, которую можно извлечь; $S \in [0; 1]$ – характеристика «ограниченности» социального порядка (при 1 политик не встречается с издержками извлечения ренты, при 0 – извлечение ренты обходится «запретительно дорого» из-за особенностей правовой системы); $r \in [0; 1]$ – уровень риска потерять ренту из-за отсутствия достаточного административного контроля над проведением трансакций; $V \geq 0$ – «дополнительная» выгода от эффективного регулирования (например, политически популярные меры, которые стали необходимыми в трудной для политика ситуации³⁰). Уровень риска r – величина, которая зависит от механизма координации. В случае, если политик выберет рыночный механизм или «недостаточно» ограничит автономность контроля над правами собственности в гибридной модели³¹, конкуренция между экономическими агентами может привести к потере ренты от исключительных отношений³². Кроме того, в еще более негативном для политика-оппортуниста сценарии конкуренция приведет к столкновению его экономических интересов с интересами других членов элитной группы, что понизит стабильность сговора в порядке ограниченного доступа. Следовательно, чем больше избирательность трансакций (и автономность контроля над правами собственности), тем больше риск потери ренты. Только административный контроль в рамках иерархических и гибридных механизмов помогают избежать этого риска [Williamson 1991]. Соответственно, ожидается, что уровень риска потерять ренту для политика максимален при рынке (m), минимален при иерархии (hi) и занимает промежуточное положение при гибридном соглашении (hy), т. е.: $r_m \rightarrow 1$; $r_{hy} \in (0; 1)$; $r_{hi} \rightarrow 0$. Данную ситуацию можно проиллюстрировать эпизодом из истории кофейной индустрии Уганды [Asimwe 2013], в которой правительство устанавливало государственную монополию на торговлю кофе, поскольку иначе не могло бы гарантированно извлекать ренту из разницы между экспортной ценой и ценой закупки товаров у фермеров.

Таким образом, задача политика выглядит так:

$$I = (\tau + V)(P - c_i) + RS(1 - r) \rightarrow \max. \quad (2)$$

От максимизации дохода в данном случае можно легко перейти к задаче минимизации потерь (или издержек) L :

$$L = (\tau + V)c_i + RS(1 - r) \rightarrow \min. \quad (3)$$

²⁹ Прямо пропорционально связанный с полезностью.

³⁰ Так, в России в 2022 г. был введен мораторий на плановые проверки бизнеса (Правительство РФ ввело мораторий на проведение плановых проверок юрлиц и ИП в 2022 году. КонсультантПлюс. 11.03.2022. (<http://www.consultant.ru/law/hotdocs/73937.html>) и понижены требования к выпускаемым автомобилям (У машин обнуляется экология. Коммерсант. 19.04.2022. (<https://www.kommersant.ru/doc/5316400>)), чтобы обеспечить занятость в трудной экономической ситуации.

³¹ Опять же, речь идет о гибридном соглашении, которое заключают по инициативе политика, а не экономических агентов, которые минимизируют свои трансакционные издержки.

³² Здесь и далее имеется в виду не квазиарента от специфичности активов, а рента от исключительных отношений политика и экономических агентов, от которых он получает выгоду.

Отличие этой задачи от той, которая стоит перед экономическими агентами в соответствии с концепцией Уильямсона [Williamson 1985; 1991], наглядно иллюстрирует график (рис. 1).

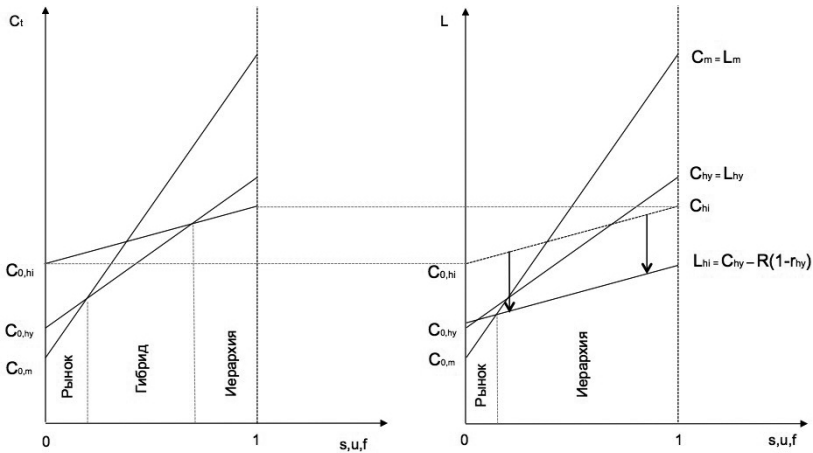

Рис. 1. Задача минимизации транзакционных издержек (слева) и один из случаев постановки задачи максимизации дохода политика-оппортуниста (справа)

Figure 1. The task of minimizing transaction costs (on the left) and one of the cases of setting the problem of maximizing the income of an opportunist politician (on the right)

На рисунке слева представлены (в линейном виде для простоты) функции транзакционных издержек от специфичности активов, меры неопределенности или редкости транзакций³³ для рынка, гибрида и иерархии. В данном простом примере сами экономические агенты выбирают тот механизм, который минимизирует транзакционные издержки при заданной комбинации s , u и f . В случае, представленном в этом исследовании (справа), выбор совершает политик, максимизирующий свой доход. На графике показана простая ситуация, когда размер ренты R для политика преобладает над его доходами от эффективного регулирования, и возможные потери дохода при выборе иерархии L_{hi} снижаются относительно уровня транзакционных издержек при прочих равных условиях³⁴. Тогда пространство комбинаций s , u и f , при котором будет выбрана иерархия, будет гораздо больше, чем при традиционной постановке задачи (слева).

Если представить уровень издержек при каждой из трех дискретных альтернатив в виде линейных функций, они будут выглядеть так:

$$c_{t(m)} = c_{0,m} + \alpha_m s + \beta_m u + \gamma_m f, \quad (4)$$

$$c_{t(hy)} = c_{0,hy} + \alpha_{hy} s + \beta_{hy} u + \gamma_{hy} f, \quad (5)$$

$$c_{t(hi)} = c_{0,hi} + \alpha_{hi} s + \beta_{hi} u + \gamma_{hi} f. \quad (6)$$

Первые слагаемые – уровни транзакционных издержек при нулевой специфичности, «максимальной»³⁵ частоте транзакций и минимально возможной неопределенности.

³³ Графики можно считать одной из проекций гиперплоскостей 4-мерного пространства, задаваемого c_t, s, u, f . Также: $s \in [0; 1]$; $u \in [0; 1]$; $f \in [0; 1]$.

³⁴ Как уже говорилось, возможна и обратная ситуация.

³⁵ Допустим, что такое значение существует при заданных технологиях.

Тогда, во-первых, $c_{0,hi} > c_{0,hy} > c_{0,m}$. Во-вторых, эластичность влияния каждого фактора на уровень транзакционных издержек должна удовлетворять теоретическое условие:

$$\alpha_m > \alpha_{hy} > \alpha_{hi}, \quad (7)$$

$$\beta_m > \beta_{hy} > \beta_{hi}, \quad (8)$$

$$\gamma_m > \gamma_{hy} > \gamma_{hi}. \quad (9)$$

При подставлении (4), (5) и (6) в (3) получаем уровни потерь дохода политика с правого графика (рис. 1) для каждой дискретной альтернативы:

$$L_m = c_{0,m}(\tau + V) + \alpha_m(\tau + V)s + \beta_m(\tau + V)u + \gamma_m(\tau + V)f - R(1 - r_m)S, \quad (10)$$

$$L_{hy} = c_{0,hy}(\tau + V) + \alpha_{hy}(\tau + V)s + \beta_{hy}(\tau + V)u + \gamma_{hy}(\tau + V)f - R(1 - r_{hy})S, \quad (11)$$

$$L_{hi} = c_{0,hi}(\tau + V) + \alpha_{hi}(\tau + V)s + \beta_{hi}(\tau + V)u + \gamma_{hi}(\tau + V)f - R(1 - r_{hi})S. \quad (12)$$

Тогда необходимыми условиями выбора каждой из альтернатив будут: $L_m < L_{hy} \cup L_m < L_{hi}$ для рынка; $L_{hy} < L_{hi} \cup L_{hy} < L_m$ для гибрида; $L_{hi} < L_{hy} \cup L_{hi} < L_m$ для иерархии. Учитывая, что значения s , u и f определены только на отрезке $[0; 1]$, вероятность попадания в который равна единице, можно перейти к вероятностям выбора той или иной альтернативы через функции Лапласа, что позволяет при наличии эмпирических данных в дальнейшем использовать систему уравнений (10), (11) и (12) в качестве модели дискретного выбора.

Таким образом, при переходе от задачи минимизации транзакционных издержек к максимизации дохода политика, который устанавливает механизм координации, оптимальный выбор может смещаться в сторону той или иной дискретной альтернативы. Такая ситуация становится возможной, если учитывать, что политик может стремиться не только обеспечивать общественную эффективность отраслевого регулирования, но и преследовать иные цели, для достижения которых необходимо либо ужесточать, либо ослаблять административный контроль над транзакциями. В то же время следует помнить, что в модели речь не идет о механизмах, которые появляются в результате свободного выбора самих представителей отрасли. Имеется в виду ситуация, в которой правительство (в лице политиков), преследующее цели, альтернативные минимизации транзакционных издержек в индустрии, может смещать выбор механизмов координации в ту или иную сторону от оптимального.

Заключение

По итогам проведенного анализа сделан вывод о том, что три пороговых условия перехода одного социального порядка в другой (по Д. Норт и др.) тесно связаны с характеристиками альтернативных механизмов управления транзакциями (по О. Уильямсону). В результате политическая власть, которую не сдерживают институты порядков открытого доступа, способна влиять на то, какой механизм управления транзакциями с большей вероятностью будет установлен в той или иной экономической сфере. Данное обстоятельство объясняет, почему механизмы координации в некоторых ситуациях меняются так стремительно и вне зависимости от желания экономических агентов минимизировать транзакционные издержки. Так происходило в России в 2022 г., когда во многих отраслях за короткий период усилился «регуляторный крен», а в некоторых, наоборот, ослабился административный контроль.

Политик, влияя на решение о механизме управления транзакциями, минимизирует свой риск потерять то, что на чем сфокусирован его политический интерес³⁶. Так он может

³⁶ К слову, схожие идеи, но с точки зрения институциональных изменений, рассматривают в своей статье [Аузан и др. 2022].

способствовать установлению механизмов с **большим** административным контролем и меньшей избирательностью транзакций (иерархические и гибридные механизмы вместо рыночных). Данная тенденция продемонстрирована с помощью формальной модели.

Вместе с тем предложенная модель обладает рядом недостатков. Во-первых, она не описывает ситуации, при которых механизм управления транзакциями уже выбран, а регулятор вмешивается в него дискреционно (что происходит, например, при некорректном использовании инструментов антимонопольной политики). Во-вторых, требуется более детально проанализировать, какую выгоду можно понимать под рентой R : как было обозначено ранее, спектр возможных интерпретаций здесь довольно широк.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2016) Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: АСТ. 760 с.

Андреева А.А., Ионкина К.А., Санишвили Т.Т. (2017) Эмпирический подход к сравнению социальных порядков // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. № 2. С. 51–71.

Аузан А.А., Лепетиков Я.Д., Ситкевич Д.А. (2022) Колея и маятник: влияние ловушки предшествующего развития на динамику институциональных изменений // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 24–47.

Кузнецов Б. В., Симачев Ю. В. (2014) Эволюция государственной промышленной политики в России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2. С. 152–178.

Плискевич Н.М. (2013) Возможности трансформации в России и концепция Норт-Уоллиса-Вайнгаста. Статья 1. Срывы модернизации вчера и сегодня // Общественные науки и современность. № 5. С. 37–50.

Полтерович В.М. (2001) Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. № 3. С. 24–49.

Федоров С.И. (2021) Кластерная политика и инновационная активность промышленных предприятий // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 4. С. 161–185.

Шаститко А.Е. (2012) Быть или не быть антитрасту в России? // Экономическая политика. № 3. С. 50–69.

Шаститко А.Е., Ионкина К.А. (2021) Химера отечественного антитраста: институт коллективного доминирования в России // Вопросы экономики. № 7. С. 68–88.

Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2018) Широкие перспективы и овраги конкурентной политики // Экономическая политика. № 5. С. 110–133.

Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2021) Антиконтрентные последствия антимонопольной политики: кейс мобильных операторов // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 7–33.

Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2022) Пигувианство против коузианства: идеи, ценности, перспективы // Вопросы экономики. № 1. С. 23–46.

Яковлев А.А. (2012) Как уменьшить силовое давление на бизнес в России? // Вопросы экономики. № 11. С. 4–23.

Asiiimwe G.B. (2013) From Monopoly Marketing to Coffee Mangedo: Responses to Policy Recklessness and Extraction in Uganda, 1971–79 // Journal of Eastern African Studies. No. 7. Pp. 104–124.

Avdasheva S., Golovanova S. (2016) Distorting Effects of Competition Authority's Performance Measurement: The Case of Russia // International Journal of Public Sector. No. 3. Pp. 288–306.

- Avdasheva S., Shastitko A. (2011) Russian Anti-Trust Policy: Power of Enforcement versus Quality of Rules // *Post-Communist Economies*. No. 4. Pp. 493–505.
- Buchanan J. M., Tullock G. (1962) *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Carmel: Liberty Fund.
- Davis L., North D. (1971) *Institutional Change and American Economic Growth*. Cambridge: Cambridge University Press. 283 p.
- Djankov S., La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Schleifer A. (2002) The Regulation of Entry // *The Quarterly Journal of Economics*. No. 1. Pp. 1–37.
- Erdogu E. (2014) The Political Economy of Electricity Market Liberalization: A Cross-Country Approach // *Energy Journal*. No. 3. Pp. 91–128.
- Foer A.A. (2018) Culture, Economics, and Antitrust: The Example of Trust // *The Antitrust Bulletin*. No. 63. Pp. 65–103.
- Gultom Y.M.L. (2021) When Extractive Political Institutions Affect Public-Private Partnerships: Empirical Evidence from Indonesia's Independent Power Producers under Two Political Regimes // *Energy Policy*. No. 149.
- Hayek F.A. (1968) *Der Wettbewerb als Entdeckungsverfahren*. Kiel: Inst. für Weltwirtschaft. 20 p.
- Katsoulacos Y., Avdasheva S., Golovanova S. (2016) Legal Standards and the Role of Economics in Competition Law Enforcement // *European Competition Journal*. No. 2. Pp. 1–21.
- Kirzner I.M. (1978) *Competition and Entrepreneurship*. Chicago: University of Chicago Press. 256 p.
- Knight F. (1921) *Risk, Uncertainty and Profit*. Boston: Houghton, Mifflin. 381 p.
- Kurdirin A., Shastitko A. (2020) The New Industrial Policy: A Chance for the BRICS Countries // *BRICS Journal of Economics*. No. 1. Pp. 60–80.
- Menard C. (2004) The Economics of Hybrid Organizations // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. No. 3. Pp. 345–376.
- Menard C. (2022) Hybrids: Where We Are? // *Journal of Institutional Economics*. No. 18. Pp. 297–312.
- Mises L. (1996) *Human Action: A Treatise on Economics*. 3th rev. ed. New Haven: Yale University Press.
- Murphy K. M., Shleifer A., Vishny R. W. (1993) Why is Rent-Seeking so Costly to Growth? // *The American Economic Review*. No. 2. Pp. 409–414.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework of Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press. 328 p.
- Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press. 186 p.
- Potrafke N. (2010) Does Government Ideology Influence Deregulation of Product Markets? Empirical Evidence from OECD Countries // *Public Choice*. No. 143. Pp. 135–155.
- Rodrik D. (2004) *Industrial Policy for the Twenty-First Century*. CEPR Discussion Papers 4767. 57 p.
- Schleifer A., Vishny R. (1993) Corruption // *Quarterly Journal of Economics*. No. 3. Pp. 599–617.
- Schumpeter J.A. (2008) *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle*. Originally published in 1934. New Brunswick, London: Transaction Publishers.
- Tadei F. (2018) The Long-Term Effects of Extractive Institutions: Evidence from Trade Policies in Colonial French Africa // *Economic History of Developing Regions*. No. 33. Pp. 183–208.
- Tullock G. (1967) The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft // *Western Economic Journal*. No. 5. Pp. 224–232.
- van Bavel B., Ansink E., van Besouw B. (2017) Understanding the Economics of Limited Access Orders: Incentives, Organizations and the Chronology of Developments // *Journal of Institutional Economics*. No. 13. Pp. 109–131.

van Besouw B., Ansink E., van Bavel B. (2016) The Economics of Violence in Natural States // *Journal of Economic Behaviour & Organization*. No. 132. Pp. 139–156.

Vanino E., Lee S. (2018) Extractive Institutions in Non-Tradeable Industries // *Economics Letters*. No. 170. Pp. 10–13.

Wegner G. (2015) Capitalist Transformation without Political Participation: German Capitalism in the First Half of the Nineteenth Century // *Constitutional Political Economy*. No. 26. Pp. 61–86.

Weymouth S. (2016) Competition Politics: Interest Groups, Democracy, and Antitrust Reform in Developing Countries // *The Antitrust Bulletin*. No. 61. Pp. 296–316.

Williamson O. (1985) *The Economic Institutions of Capitalism*. New York: Free Press. 468 p.

Williamson O. (1991) Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives // *Administrative Science Quarterly*. No. 2. Pp. 269–296.

Wolff E.A. (2020) The Global Politics of African Industrial Policy: The Case of the Used Clothing Ban in Kenya, Uganda and Rwanda // *Review of International Political Economy*. No. 5. Pp. 1308–1331.

Yakovlev A., Sobolev, A., Kazun A. (2014) Means of Production versus Means of Coercion: Can Russian Business Limit the Violence of a Predatory State? // *Post-Soviet Affairs*. No. 30. Pp. 171–194.

REFERENCES

Adzhemoglu D., Robinson Dzh. (2016) *Pochemu odni strany bogaty, a drugie bednye* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. Moscow: AST. 760 p.

Andreeva A.A., Ionkina K.A., Sanishvili T.T. (2017) Empiricheskij podhod k sravneniyu social'nyh poryadkov [An Empirical Approach to Comparing Social Orders]. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal*. no. 2, pp. 51–71.

Auzan A.A., Lepetikov YA.D., Sitkevich D.A. (2022) Koleya i mayatnik: vliyanie lovushki predshestvuyushchego razvitiya na dinamiku institucional'nyh izmenenij [Track and Pendulum: The Influence of the Trap of Previous Development on the Dynamics of Institutional Changes]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. no. 1, pp. 24–47.

Asiimwe G.B. (2013) From Monopoly Marketing to Coffee Mangedo: Responses to Policy Recklessness and Extraction in Uganda, 1971–79. *Journal of Eastern African Studies*. no. 7, pp. 104–124.

Avdasheva S., Golovanova S. (2016) Distorting Effects of Competition Authority's Performance Measurement: The Case of Russia. *International Journal of Public Sector*. no. 3, pp. 288–306.

Avdasheva S., Shastitko A. (2011) Russian Anti-Trust Policy: Power of Enforcement versus Quality of Rules. *Post-Communist Economies*. no. 4, pp. 493–505.

Buchanan J. M., Tullock G. (1962) *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Carmel: Liberty Fund.

Davis L., North D. (1971) *Institutional Change and American Economic Growth*. Cambridge: Cambridge University Press. 283 p.

Djankov S., La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Schleifer A. (2002) The Regulation of Entry. *The Quarterly Journal of Economics*. no. 1, pp. 1–37.

Erdogu E. (2014) The Political Economy of Electricity Market Liberalization: A Cross-Country Approach. *Energy Journal*. no. 3, pp. 91–128.

Fedorov S.I. (2021) Klasternaya politika i innovacionnaya aktivnost' promyshlennyh predpriyatij [Cluster Policy and Innovative Activity of Industrial Enterprises]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. no. 4, pp. 161–185.

Foer A.A. (2018) Culture, Economics, and Antitrust: The Example of Trust. *The Antitrust Bulletin*. no. 63, pp. 65–103.

- Gultom Y.M.L. (2021) When Extractive Political Institutions Affect Public-Private Partnerships: Empirical Evidence from Indonesia's Independent Power Producers under Two Political Regimes. *Energy Policy*. no. 149.
- Hayek F.A. (1968) *Der Wettbewerb als Entdeckungsverfahren*. Kiel: Inst. für Weltwirtschaft. 20 p.
- Katsoulacos Y., Avdasheva S., Golovanova S. (2016) Legal Standards and the Role of Economics in Competition Law Enforcement. *European Competition Journal*. no. 2, pp. 1–21.
- Kirzner I.M. (1978) *Competition and Entrepreneurship*. Chicago: University of Chicago Press. 256 p.
- Knight F. (1921) *Risk, Uncertainty and Profit*. Boston: Houghton, Mifflin. 381 p.
- Kurdin A., Shastitko A. (2020) The New Industrial Policy: A Chance for the BRICS Countries. *BRICS Journal of Economics*. no. 1, pp. 60–80.
- Kuznecov B. V., Simachev YU. V. (2014) Evolyuciya gosudarstvennoj promyshlennoj politiki v Rossii [Evolution of State Industrial Policy in Russia]. *ZHurnal Novoj ekonomicheskoy associacii*. no. 2, pp. 152–178.
- Menard C. (2004) The Economics of Hybrid Organizations. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. no. 3, pp. 345–376.
- Menard C. (2022) Hybrids: Where We Are? *Journal of Institutional Economics*, no. 18, pp. 297–312.
- Mises L. (1996) *Human Action: A Treatise on Economics*. 3th rev. ed. New Haven: Yale University Press.
- Murphy K. M., Shleifer A., Vishny R. W. (1993) Why is Rent-Seeking so Costly to Growth? *The American Economic Review*. no. 2, pp. 409–414.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework of Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press. 328 p.
- Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press. 186 p.
- Pliskevich N.M. (2013) Vozmozhnosti transformacii v Rossii i koncepciya Nort-Uollisa-Vajngasta. Stat'ya 1. Sryvy modernizacii vchera i segodnya [Transformation Opportunities in Russia and the North-Wallis-Weingast Concept. Article 1. Failures of Modernization Yesterday and Today]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 5, pp. 37–50.
- Polterovich V.M. (2001) Transplantaciya ekonomicheskikh institutov [Transplantation of Economic Institutions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii*. no. 3, pp. 24–49.
- Potrafke N. (2010) Does Government Ideology Influence Deregulation of Product Markets? *Empirical Evidence from OECD Countries*. *Public Choice*. no. 143, pp. 135–155.
- Rodrik D. (2004) *Industrial Policy for the Twenty-First Century*. CEPR Discussion Papers 4767. 57 p.
- Schleifer A., Vishny R. (1993) Corruption. *Quarterly Journal of Economics*. no. 3, pp. 599–617.
- Schumpeter J.A. (2008) *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle*. Originally published in 1934. New Brunswick, London: Transaction Publishers.
- Shastitko A.E. (2012) Byt' ili ne byt' antitrastu v Rossii? [To Be or Not to Be: Antitrust in Russia?]. *Ekonomicheskaya politika*. no. 3, pp. 50–69.
- Shastitko A.E., Ionkina K.A. (2021) Himera otechestvennogo antitrasta: institut kollektivnogo dominirovaniya v Rossii [Chimera of the Domestic Antitrust: the Institute of Collective Dominance in Russia]. *Voprosy ekonomiki*. no. 7, pp. 68–88.
- Shastitko A.E., Pavlova N.S. (2018) SHirokie perspektivy i ovragi konkurentnoj politiki [Broad Prospects and Ravines of Competition Policy]. *Ekonomicheskaya politika*. no. 5, pp. 110–133.
- Shastitko A.E., Pavlova N.S. (2021) Antikonkurentnye posledstviya antimonopol'noj politiki: kejs mobil'nyh operatorov [Anticompetitive Consequences of Antimonopoly Policy: Case of Mobile Operators]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. no. 2, pp. 7–33.
- Shastitko A.E., Pavlova N.S. (2022) Piguvianstvo protiv kouzianstva: idei, cennosti, perspektivy [Pigouvianism versus Cousianism: Ideas, Values, Perspectives]. *Voprosy ekonomiki*. no. 1, pp. 23–46.

Tadei F. (2018) The Long-Term Effects of Extractive Institutions: Evidence from Trade Policies in Colonial French Africa. *Economic History of Developing Regions*. no. 33, pp. 183–208.

Tullock G. (1967) The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft. *Western Economic Journal*. no. 5, pp. 224–232.

van Bavel B., Ansink E., van Besouw B. (2017) Understanding the Economics of Limited Access Orders: Incentives, Organizations and the Chronology of Developments. *Journal of Institutional Economics*. no. 13, pp. 109–131.

van Besouw B., Ansink E., van Bavel B. (2016) The Economics of Violence in Natural States. *Journal of Economic Behaviour & Organization*. no. 132, pp. 139–156.

Vanino E., Lee S. (2018) Extractive Institutions in Non-Tradeable Industries. *Economics Letters*. no. 170, pp. 10–13.

Wegner G. (2015) Capitalist Transformation without Political Participation: German Capitalism in the First Half of the Nineteenth Century. *Constitutional Political Economy*. no. 26, pp. 61–86.

Weymouth S. (2016) Competition Politics: Interest Groups, Democracy, and Antitrust Reform in Developing Countries. *The Antitrust Bulletin*. no. 61, pp. 296–316.

Williamson O. (1985) *The Economic Institutions of Capitalism*. New York: Free Press. 468 p.

Williamson O. (1991) Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives. *Administrative Science Quarterly*. no. 2, pp. 269–296.

Wolff E.A. (2020) The Global Politics of African Industrial Policy: The Case of the Used Clothing Ban in Kenya, Uganda and Rwanda. *Review of International Political Economy*. no. 5, pp. 1308–1331.

Yakovlev A.A. (2012) Kak umen'shit' silovoe davlenie na biznes v Rossii? [How to Reduce the Power Pressure on Business in Russia?]. *Voprosy ekonomiki*. no. 11, pp. 4–23.

Yakovlev A., Sobolev, A., Kazun A. (2014) Means of Production versus Means of Coercion: Can Russian Business Limit the Violence of a Predatory State? *Post-Soviet Affairs*. no. 30, pp. 171–194.

Информация об авторе

Федоров Сергей Игоревич, аспирант, ассистент экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, дом 1, строение 46. E-mail: fedoroffsi@yandex.ru

About the author

Sergei I. Fedorov, Postgraduate Student, Research Assistant, Faculty of Economics, Moscow State University. Address: 11991, Moscow, Leninskye Gori, 1/46. E-mail: fedoroffsi@yandex.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 25.10.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 07.11.2022

Статья принята к публикации/ Accepted: 10.02.2023